Сердюк Б. В.

«ХРОНИКА ЛИВОНИИ» КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫМ ЛАТИНСКИМ КЛИРИКОМ АКТУАЛЬНОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ

XIII век стал важной вехой в истории межконфессиональных отношений на границе древнерусских земель и балтийского региона. Если в начале века ещё прослеживаются тенденции к сближению христиан восточного и западного обрядов, то после 30-х годов XIII века две христианские традиции вступают в стадию активной конфронтации [4, с. 7]. Всё это сопровождалось нависшей татарской угрозой и борьбой представителей обеих христианских конфессий с языческими племенами.

Обратимся к памятнику письменности, современному событиям начала XIII века, чтобы пролить свет на ментальные установки средневекового латинского клирика и осмыслить его понимание актуальной конфессиональной обстановки.

Одним из основных источников по истории балтийского региона интересующей нас эпохи является «Хроника Ливонии», составленная современником описываемых событий. На сегодняшний день сохранилось 16 списков хроники, древнейшие из которых датируются XIII веком [2, с. 33]. Начиная с 1740 г. Хроника неоднократно переиздавалась на латыни. На русский язык текст хроники был переведён С. А Аннинским в 1938 г. В 2002 году В. И. Матузова и Е. Л. Назарова уточнили перевод Аннинского и издали его, снабдив обширными комментариями [2].

Большинство исследователей в качестве автора данной хроники называют священника Генриха из северной латгальской области Имера [1, с. 15–27]. Исследователи также отмечают, что священник Генрих являлся приближенным Рижского епископа Альберта и составлял хронику по его благословению с целью подготовки отчета к прибытию папского легата [2, с. 32]. Произведение Генриха является прекрасной иллюстрацией отношения ливонского латинского клирика начала XIII века к представителям иных вероисповеданий.

Начнем с рассмотрения отношения автора к языческим народам балтийского региона. Отметим, что обращение местных язычников в христианство – основная тема хроники Генриха. С самых первых строк автор отсылкой к библейскому тексту намекает читателю на то, как тому следует воспринимать описываемые языческие народы. Он уподобляет балтийских язычников библейским Раав и Вавилону, имея в виду Пс. 8:4. Комментируя данную реминисценцию, Е. Л. Назарова следует за «Толковой Библией» А. П. Лопухина (1904 г.), раскрывшего этимологические тонкости древнееврейского слова «Раав». При таком понимании язычники должны восприниматься как коварные и гордые чудовища Египта [3]. Однако, подобное толкование вряд ли было знакомо средневековому книжнику. Данный отрывок в святоотеческой экзегетической традиции толкуется следующим образом: 1) Бог хранит добрую память о тех, кто грешил, пребывая в неведении, но пробудился и обратился к Нему; 2) Церковь состоит из некогда языческих народов [3]. Такое толкование безусловно более соответствует дальнейшей риторике повествования. Отсылкой к Св. Писанию автор с самого начала хроники подчеркивает, что осуждения достойно язычество как феномен, а не сами «заблудшие» язычники.

Говоря о военных конфликтах с местными народами, автор старается избегать обобщающего термина «язычники» и старательно указывает их наименования (куры, ливы, летты, литовцы и тд.). Он также не снабжает слово «язычники» негативными эпитетами, при этом «лживые ливы», «коварные литовцы» и т. д. встречаются в тексте повсеместно. Таким образом, Генрих представляет местные языческие племена как сообщества людей, временно пораженных недугом идолопоклонства [2, с. 55]. Исцелять которых (если возможно) должно «речами, а не мечами» [2, с. 55].

Интересно, что Генрих ни разу не применяет дефиницию «язычники» в отношении татар. Вероятно, автор находился в замешательстве относительно религиозной принадлежности этого неведомого народа.

Перейдем к рассмотрению статуса христиан восточного обряда в Хронике Ливонии. Из текста явствует, что рижский священник прекрасно понимает, что жители соседних древнерусских княжеств являются христианами. Повествуя о военных столкновениях с русскими, Генрих стремится изобразить сражения как можно деликатнее. Например, захватив русский замок Кукенойс, тевтоны не решились убивать христиан, а просто ограбили их, чем всё равно вызвали негодование епископа, пекущегося о благе всех христиан [2, с. 114]. В других местах хроники автор называет русских единоверцами [2, с. 118] и братьями во Христе (*fratres conchristianos*) [2, с. 87].

Каков в таком случае канонический статут русских епархий в понимании хрониста? Автор неоднократно подчеркивает, что рижский епископ испросил дозволения Полоцка на миссию в землях, входящих в его юрисдикцию [2, с. 52, 111–112]. Следовательно, полоцкая епархия воспринимается рижским клириком как легитимная, каноническая и автономная церковно-административная единица. Показательно также, что в тексте хроники не встречается слово «*Catholico» (*принадлежащий ко Вселенской церкви), которое употреблялось, как противопоставление раскольникам (например, в Магдебургских анналах русские именуются *«minus catholici»,* то есть «не вполне принадлежащие ко Вселенской церкви») [5, p. 188].

Репозиторий ВГУ

В аналогичном каноническом статусе автор воспринимает свою собственную Ливонскую церковь, которую считает молодой, но вполне автономной церковью. Очевидно, григорианская идеология римоцентризма не была близка рижскому духовенству. Хронист ни разу не именует свою церковь «Римской». Генрих безусловно отмечает высокий статус Рима, с пиететом относится к римскому понтифику, однако явно не является ультрамонтаном [2, с. 132].

Для Генриха очевидно, что русские христиане имеют иной богослужебный обряд. Для терминологического размежевания он использует слова «русский» и «латинский» (обряд) [2, с. 114]. Хронист не выказывает негативного отношения к восточному обряду, однако не скрывает радость по поводу решения сыновей Талибалда из Толовы переменить свой обряд на латинский [2, с. 123]. Автор также даёт понять, что ему известно о существовании антилатинской полемики в среде русского духовенства [2, с. 124].

Разница в богослужебной традиции в понимании хрониста не является значимой для действенности божественной благодати. Описывая захват тевтонами русского города, автор указывает, что из местного храма были вынесены иконы, кадила и прочие реликвии [2, с. 133]. Комментируя данный эпизод, Е. Л. Назарова отмечает, что это было сделано из неуважения к восточному христианству и желания продемонстрировать превосходства латинства [2, с. 166, 183]. Однако, на наш взгляд в данном случае очевидно, что речь идёт не о попрании русских святынь, а о переносе их и ливонские храмы. Следовательно, реликвии восточной церкви почитались рижанами наравне с латинскими и считались источниками божественной благодати. Это касается и действенности таинств русской церкви. Генрих повествует о том, что русские священнослужители совершали обряд крещения над некоторыми язычниками [2, с. 119]. Он не сомневается в благодатности крещения, проведенного в рамках восточной традиции.

Стоит также обратить внимание на эпизод прибытия в Ригу папского легата Вильгельма [2, с. 140]. Автор хроники сообщает, что когда русские из окрестных княжеств узнали, что в Риге находится достопочтенный легат апостольского престола, то они тотчас направили на встречу к нему своих послов. Они также просили его утвердить мир между русскими и тевтонами. Далее сообщается что русские в числе иных местных народов внимали душеспасительным проповедям легата. Для нас не столь важно имел ли в действительности место описанный эпизод. Важнее то, что автор хроники считает его таковым. Он не сомневается в том, что система христианских ценностей русских клириков идентична его собственной системе ценностей. Для Генриха очевидно, что такое важное для латинской церковной общины событие, как приезд легата апостольского престола, не может не заинтересовать русское христианское население.

Отношение хрониста к восточным христианам прекрасно иллюстрируется в эпизоде, повествующем о сожжении рижанами русского замка Герцике, который автор представляет, как некий вертеп разбойников, «досаждающий как крещёным, так и некрещеным» [2, с. 86]. Вразумляя «наказанного за свои злые деяния» князя, епископ увещевает его «впредь избегать общения с язычниками, не досаждать вместе с ними рижской церкви, не разорять вместе с литовцами землю твоих христианских единоверцев» [2, с. 86–87].

Можно отметить, что восприятие Генрихом русской церкви не противоречит официальной позиции Рима начала XIII века. Папа Гонорий III, возглавлявший в то время римскую кафедру, в своих письмах выражает подобные настроения. Послание к христианам Руси в 1224 г. он составляет в духе единства церкви, игнорируя существующие различия и разногласия [2, с. 216]. При этом в другом послании папа Гонорий выражает озабоченность тем, что в среде русского духовенства всё же имеются некоторые диссиденты, которые распространяют «греческую схизму, маскируя её под личиной старинных обычаев» [2, с. 206].

Подводя итоги, укажем, что автора Ливонской Хроники трудно назвать идеологом военной борьбы с язычниками – ему более импонирует идея борьбы с язычеством как заблуждением (по возможности проповедью). Некоторых русских Генрих считает плохими христианами, но всё же единоверцами, братьями во Христе. Рижскому клирику известно о существующей полемике между латинской и восточной церквями, однако он предпочитает не акцентировать внимание на разногласиях, а продолжает воспринимать христианство единым.

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1938. – 608 с.
2. Матузова, В. И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий / В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. – М. : Индрик, 2002. – 447 с.
3. Толкования на Пс. 86:4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bible.optina.ru/old:ps:086:04. – Дата доступа: 19.03.2021.
4. Флоря, Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) / Б. Н. Флоря. – СПб. : Алетейя, 2004. – 222 с.
5. Annales Magdeburgenses / ed. G. Pertz // MGH SS 16ed. – Hannoverae : IBAH, 1859 – P. 107–196.

Репозиторий ВГУ